

С О О Б Щ Е Н И Я

В. А. ТУГОЛУКОВ

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О НАРОДАХ НИЖНЕГО ЕНИСЕЯ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Известно, какую ценность для этнографической науки представляют полевые записи географов, геологов, натуралистов и ученых других специальностей, побывавших среди бесписьменных народов. Эти записи — часто единственный источник, на основании которого мы можем судить о материальной и духовной культуре того или иного народа в тот или иной отрезок времени.

Серьезным вкладом в этнографическое изучение Енисейского Севера является рукопись Иннокентия Лопатина, хранящаяся в Архиве Академии наук СССР и озаглавленная самим автором: «Дневник во время моей поездки из Енисейска к Ледовитому морю в 1866 году. 11 июля — 22 августа включительно»¹.

До Лопатина на Енисейском Севере побывали Кастрен, Миддендорф, Мордвинов и другие исследователи. Дневник Лопатина не только подтверждает, но в ряде случаев и дополняет их сообщения.

Иннокентий Александрович Лопатин (1838—1909) — русский геолог и географ — известен своими путешествиями по малоизученным областям Сибири и Дальнего Востока, предпринятыми по заданиям Академии наук и Русского географического общества. Заслугой Лопатина является, в частности, обоснование промышленного значения сахалинских углей. Именем Лопатина названа одна из горных вершин Сахалина. Путешествие по Енисею Лопатин совершил в 1866 г. с целью гидрогеологического исследования этой реки. Спустя тридцать лет, в 1897 г., был опубликован так называемый геологический дневник И. А. Лопатина², тогда как его личный дневник остался неопубликованным. Ниже мы попытаемся раскрыть содержание этого дневника.

От Енисейска до Гольчихи, возле устья Енисея, Лопатин доехал в лодке, а дальше к океану двигался на оленях, запряженных в нарты. Проводниками оленей были долганы.

В рукописи Лопатина детально описан образ жизни норильских долган, зимующих у Дудинки или у Норильских озер и с наступлением лета откочевывающих на север промысливать дикого оленя и песца. В перекочевке, однако, участвовали не все долганы, уходили только наиболее обеспеченные оленями. Автор называет места летних кочезий: это не только низовья Енисея, но также реки Авам и Пясина. Он уточняет, что на двух последних реках промыслиют преимущественно «самоеды» (по-видимому, нганасаны, и теперь живущие в этом районе. — В. Т.). На диких оленей долганы охотились с ружьем; к поколке они прибегали редко (л. 42 об.). Во время перекочевки к океану женщины с детьми ехали на оленях проторенным маршрутом «вдоль гор», а «мужчины налегке по сторонам», промысливая диких оленей и гусей (л. 24 об.). При спокойной езде на нарте по летней очистившейся от снега тундре, сообщает Лопатин, можно было даже писать карандашом (л. 5 об.).

При перекочевках долганам часто приходилось пересекать реки. Лопатин сообщает о любопытном способе их отыскивать брод. На шею специально обученного оленя «манчака» (маншика, используемого также при промысле дикого оленя) надевали пет-

¹ Архив АН СССР, ф. IV, № 6/1168 (Москва).

² И. А. Лопатин, Дневник Туруханской экспедиции 1866 г., «Зап. Русск. географ. об-ва по общей географии», т. XXVIII, № 2, СПб., 1897.

лю из тонкого просмоленного ремешка и перегоняли его на другой берег. Если брод был глубок, оленя заставляли вернуться другим путем. И так несколько раз, пока не найдут места, по которому можно перейти реку, не развьючивая оленей (л. 9 об.—10).

Лопатин подробно перечисляет хозяйственные обязанности мужчин и женщин у долган. Мужчины охотятся, пасут оленей, ловят их, заготавливают дрова перед выходом в тундру, чинят оружие, оленьи седла и упряжь. Женщины приготавливают пищу, шьют одежду, выделывают кожи, обдирают сухожилия с ног оленя на нитки, делают обшивку из оленьей кожи на седла, навьючивают оленей. Однажды, когда Лопатин, занятый ошипыванием гусей для обеда, стал выговаривать долганину Соколо, почему тот не идет по воду, он услышал в ответ: «Это бабье дело, так же как и чум поставить» (л. 6).

Сейчас в районе Норильска и Дудинки почти нет лесов, но сто лет назад они еще были. Лопатин пишет: «Зиму они (долганы.— В. Т.) живут в лесах, где строят род шалашей, который обкладывают землей и снегом» (л. 4).

Несколько раз возвращается автор к пище долган. «Рыбу они едят отдельно, ухой запивают» (л. 5). Так же ели и гусей, обмакивая мясо в жир, снятый со стенок котла (л. 11 об.). Печень, головной и костный мозг, глаза, части губ, хрящи носа, сухожилия с ног дикого оленя поедали сырыми. При этом глаза и сухожилия ели только дети и женщины, так как считалось, что, съев глаза, охотник рискует лишиться остроты зрения, а сухожилия мужчины находили невкусными. Женщины и дети ели также подпаленную шкуру с рогов домашнего оленя (л. 16); соли долганы не употребляли (л. 6 об.).

Заслуживают внимания некоторые сведения, характеризующие домашнее хозяйство долган. К Ледовитому океану сопровождали Лопатина две долганские семьи, а на обратном пути — две другие (одна из них — семья долганского князца Матвея Сотникова). Автор сообщает, что обе семьи варили еду вместе, а ели порознь (л. 6).

Большой интерес представляет сообщение долганина Соколо об этнической структуре долганского народа. «Долганы разделяются теперь на два племени: Долган и Догот (Донгот — В. Т.). Первые живут на Енисее, вторые — за тундрой, по Анабаре и проч.» (л. 37 об.). Здесь Лопатин допустил ошибку: в действительности первые жили за тундрой, на Анабаре и по другим рекам, а вторые — по Енисею. Но не это существенно. Слово «теперь» в данном сообщении может указывать на то, что раньше в состав долган входило большее число «племен», но к середине XIX в. из них, вероятно, уже выделились два основных — Долган и Донгот. Последнее сообщение, на наш взгляд, подтверждает мнение Б. О. Долгих, что именно эти этнические объединения сыграли решающую роль в формировании долганского народа.

Известно, что у долган имеются фамилии, происхождение которых неясно. Лопатин, в частности, упоминает фамилию Ульман. Долганин, носящий эту фамилию, характеризуется автором как «поселенец из чухонь», т. е., по-видимому, как пришелец с Запада. Любопытно отметить, что в настоящее время у долган нет такой фамилии, но она есть у эвенков из пос. Камень Авамского района Таймырского национального округа; в этом поселке вместе с эвенками живут и долганы.

По сообщениям ряда авторов середины XIX в., долганы — народ, наиболее христианизированный. Это подчеркивает и Лопатин. Долганы, пишет он, крестятся; к оленю из шестов летнего чума, где жила сопровождавшая его долганская семья, был подвешен «небольшой медный образ св. Николая» (л. 4 об.). Но, судя по отдельным заметкам в дневнике Лопатина, мировоззрение долган в середине прошлого века являло собой смесь христианства и дохристианских верований, связанных с магией и почитанием духов. Упомянув, что половина долган-мужчин подстригает волосы по-русски в кружок, Лопатин отмечает, что остальные заплетают их в две косы, ибо, по мнению этих мужчин, в волосах сосредоточена душа человека, и, если их срезать, человек может умереть (л. 19). Непреложным для долган было правило: убьешь оленя — кусочек мяса брось в огонь (л. 46 и об.). Остатки разделанной туши дикого оленя долганы не бросали кое-как, считая это грехом. Рога очищали от шкуры, клали отростками к земле поперек негодных в пищу внутренностей и все покрывали сверху куском дерна (л. 16 об.).

Даже в условиях кочевания двух семей, когда вся пища готовилась в одном котле, долганы сохраняли верность старому коллективистскому принципу дележа добычи: убив дикого оленя, охотник передавал тушу товарищу (л. 13 об.).

Значительно меньше внимания уделено в дневнике другим народом Нижнего Енисея — ненцам и энцам. Но и о них можно почерпнуть у Лопатина некоторые полезные сведения.

Мы узнаем, что самые богатые оленеводы в тундре левобережья Енисея — это юраки (ненцы); среди них встречаются хозяева, владеющие стадами до 5 тыс. оленей (л. 50). Стада самоедов (энцев) не превышают тысячи оленей; среди долган же, по словам автора, нет владеющих и сотней оленей. Отсюда он заключает: юраки и самоеды живут богаче долган (л. 44 об.). Этот вывод согласуется с приводимыми Лопатиным сведениям о браках энцев и ненцев. Первые имеют одну-две жены (чаще одну),

вторые — три-четыре, «а прежде даже и 7 бывало» (л. 71). О многоженстве у долган Лопатин не говорит; по своей бедности они, по-видимому, не могли иметь больше одной жены.

Богатые юраки левобережья, сообщает Лопатин, приписаны к Березовскому округу Тобольской губернии. Ясак они платили в сел. Носово (нынешний Салехард), находящемся в той же Тобольской губернии (л. 54), отправляясь туда осенью по снегу через тундру. Автор сообщает о найме юраков, в том числе детей, в работники к русским крестьянам (л. 56) и приводит условия оплаты труда при этом: 80 рублей ассигнациями за полгода и хозяйские харчи — хлеб и рыба (л. 68 об.). Нанимались, по-видимому, только «береговые» юраки (жившие по обоим берегам Енисея возле Дулинки), которые, равно как и «хантайские самоеды» (энцы современного Воронцовского сельсовета), по сравнению с «березовскими юраками» считались бедными (л. 74 об.).

Лопатин отмечает, что и у юраков, и у самоедов имеются оленегонные собаки, причем «очень маленькие». Эта примечательная деталь указывает, возможно, на то, что энецкие собаки происходят от собак древнего населения, жившего в этих местах до прихода современных народов. Что касается рабочих качеств самоедских собак, то они весьма высоки: собаки гоняют стадо в 200 голов (л. 71 об.). В этой связи нам кажется интересным сообщение ныне здравствующего таймырского нганасана Биля Порбина, утверждающего, что в отличие от более крупных собак у соседних народов оленегонная лайка энцев и нганасан «оттого мелкая, что век здесь была»³.

Интересны отдельные наблюдения Лопатина о различиях между самоедами и юраками. У первых, пишет он, «черты лица гораздо грубее и цвет лица смуглый. По одежде юраки отличаются тем, что у них подол сокуя обшит собольим мехом, а наверху шапки сокуя нет оленьего хвоста, который увидишь у всякого почти самоеда» (л. 71 об.). В отличие от самоедов, которые только курят табак, юраки его «и курят, и нюхают, и за щеку кладут, и иногда все это один и тот же человек».

Много записей в дневнике Лопатина посвящено быту местного русского населения. Большинство русских в низовьях Енисея являлись «ссылными или беглыми», в том числе бежавшими от солдатчины (л. 62 об.). Их занятиями были рыболовство, разведение крупного рогатого скота, торговля с коренным населением, охотничий промысел и даже оленеводство. Один такой оленевод, по фамилии Байкалов, жил в 1896 г. на Ермиловском станке (выше станка Лаптуково); у него была сотня оленей, которых выпасали «инородцы» (л. 81 об.).

Любопытно для истории заселения долины Енисея русскими наблюдение Лопатина, свидетельствующее о том, что постоянных русских поселений по Енисею ниже Туруханска в 1866 г. не было: «Только с Туруханска (вверх по течению.— В. Т.) все крестьяне живут в избах с двускатными крышами. Последнюю плоскую кровлю мы видели в Шорохинском яру» (л. 90).

Лопатин отмечает тяжелые условия существования русских крестьян в низовьях Енисея и их неблагоустроенный быт. Так, в Крестовском зимовье на берегу Енисейской бухты в окна изб — рыба кожа (кожа муксуна или шуки), освещаются избы жирником (плошка с дурно пахнущим белужьим жиром), в избах — грязь (л. 48 об.). И добавляет в другом месте: «У долган в чумах гораздо лучше, чем в русских избах здесь» (л. 58).

Почти за четверть века до И. А. Лопатина в низовьях Енисея и на Таймыре побывал А. Ф. Миддендорф. В рукописи Лопатина содержится свидетельство о трудностях, которые пришлось испытать знаменитому исследователю во время его грандиозного путешествия по Сибири. Один самоед сообщил Лопатину, что Миддендорф «ездил на Авам и там с голоду съел свою собаку» (л. 61 об.).

Очень точная местная терминология, приводимая автором, до некоторой степени может служить этнографическим источником. Лопатин записывает: «Аргиш значит дневной переход» (на оленях), а ниже дает еще одно значение этого слова: олений караван (л. 20). Он употребляет местное слово «кортóm», означающее наем транспортных оленей (л. 3). Им отмечено также употребление долганами эвенкийского термина «учак» для обозначения верхового оленя (л. 7).

В дневнике есть обстоятельные описания охоты долган на дикого оленя с помощью манщика (л. 13 об.), способов заготовки долганами мяса впрок (л. 35 об.), а также описания одежды и занятий русского населения в низовьях Енисея, в частности промысла белухи (л. 52 об.), устройства песковых кулёв (л. 72 об.) и др. Как в тексте рукописи, так и в специальном приложении подробно перечисляются селения и почтовые станки, расположенные по Енисею ниже Красноярска, сообщаются расстояния между ними, приводятся сведения об их основании.

Личный дневник И. А. Лопатина — яркий и достоверный документ, раскрывающий различные стороны жизни коренного и пришлого населения низовьев Енисея во второй половине XIX в. и представляющий ценный источник для историко-этнографического изучения этого отдаленного и своеобразного района Сибири.

³ Устное сообщение Ю. Б. Симченко.